

УДК 821.161.1.09“18”

М.Б. Лоскутникова

Ирония в прозе И.С. Тургенева: мнения и оценки

В истории литературы об иронии в прозе И.С. Тургенева упоминалось неоднократно. Однако за полтора века не написано ни одной специальной работы, посвященной данному вопросу. В статье осуществлена систематизация позиций в определении и оценке этого модуса — от общеконцептуальных указаний до конкретики обнаружения иронии в романах и повестях писателя середины 1850–1860-х гг.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; проза; модус; ирония.

Общепризнано, что романы и повести Тургенева обладают полифоническим звучанием. Гармонизированное мировидение Тургенева отражается прежде всего в элизме и романтике, свойственных его произведениям. Вместе с тем как самому мировосприятию писателя, так и его образно-пластическому воплощению присущ подернутый неоднозначными противоречиями взгляд на мир. В этой связи в разные годы исследователи обращались к таким тургеневским модусам, как трагизм и сатира.

Кроме того, изображение быта и бытия осуществляется Тургеневым с использованием различных оттенков иронии. Упоминания о последнем встречаются уже в высказываниях современников писателя. Однако и в начале XXI в. в данном вопросе отсутствует сколько-нибудь развернутая аргументация (равно как нет и главного — последовательного изучения иронии в прозе классика). В силу этого цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть и систематизировать научно-критические упоминания об иронии в прозе Тургенева — от прижизненных высказываний до практики наших дней.

Ирония является приемом скрытой насмешки, фиксирующим противоречие, в котором при формальном утверждении явления, качества и/или присущих им характеристик их наличие отрицается. А.Ф. Лосев писал: «Иронично

то выражение, которое выражает меньше, чем надо, чем предположено выразить»; «в буквальном смысле выраженного содержится не то, что надо было выразить, и даже противоположное этому» [7: с. 134]. В результате ирония отличается двуплановостью: высокий – низкий, обильный – скудный, значительный – ничтожный и др. Ирония наиболее близка, на первый взгляд, природе комического. Однако романтическая эпоха, ознаменовавшая начало XIX в., абсолютизировала идею внутренней свободы и сформировала универсально-иронический взгляд на мир. «Ирония истории», как и «ирония судьбы», часто носит не комический, а, напротив, трагический характер. Иными словами, в художественном отрицании или утверждении важен контекст.

Уже в XIX в. отмечены упоминания о разноплановой иронии Тургенева. В отечественной науке тургеневскую иронию затронули Д.Н. Овсяннико-Куликовский и К.К. Истомин. Первый ученый был убежден, что Тургенев всегда писал «не без грустной иронии» [10: с. 33], а второй настаивал, что таланту писателя свойственна «ироническая власть» [5: с. 92, 64]. Среди западноевропейских исследователей аналогичные оценки обнаруживаются у датского литературоведа Георга Брандеса, по мнению которого, у Тургенева даже «негодование на грубую, зверскую жестокость» проявляется «только в иронии», причем она, как правило, оказывается в тени грусти как «общего настроения» произведений [1: с. 201]. Американский писатель Генри Джеймс в 1896 г. также, в частности, писал о том, что Тургенев «как никто умеет подробно разглядеть, а потом иронически и в то же время благожелательно изобразить человеческую личность» [3: с. 528]. Однако обращает на себя внимание тот факт, что, усматривая в таланте Тургенева присущую ему иронию, Джеймс не сразу понял истинную природу тургеневской насмешки. Так, в первом очерке, посвященном русскому писателю (1874), Джеймс склонен считать, что «огромный его (Тургенева. — М. Л.) недостаток — присущая ему склонность злоупотреблять иронией» [3: с. 501]. Однако в том же 1874 г., но чуть позже, в рецензии на французский перевод романа «Новь» Джеймс скорректировал свой взгляд, подчеркнув: «тургеневскому таланту вообще свойственно выставлять в ироническом свете все, чего бы он ни касался, — даже в какой-то мере и тогда, когда речь идет о предмете глубоко ему симпатичном» [3: с. 503].

В тургеневедении XX в. также встречаются отдельные указания на иронические начала в творчестве писателя. Так, Н.Л. Бродский считал, что Тургенев иронизировал над романтически-ангажированными описаниями природы. Позже Г.Б. Курляндская, рассматривая язык писателя, свидетельствовала, что в качестве значимой фигуры речи Тургенев любил использовать ироническое сравнение. Обращаясь к вопросам психопозетики в повестях Тургенева, написанных от 1-го лица, Е.Г. Эткинд упоминал о том, что повествователь судит о жизни с оттенком иронии. Тенденция такой общей, но неразвернутой оценки наиболее четко проявилась в работах В.М. Марковича и А.П. Чудакова, усматривавших в спектре идейно-эмоциональных характеристик тургеневской прозы ироническое миропонимание.

Единичные замечания исследователей об иронии в прозе Тургенева касаются раннего творчества писателя (1840-х – начала 1850-х гг.). В частности, на заре XX в. К.К. Истомин затрагивал вопрос об иронии в повести «Бретер», а во второй половине столетия С.Е. Шаталов — в повести «Андрей Колосов». Ю.В. Манн в повести «Дневник лишнего человека», и прежде всего в образе Чулкатурина, отметил «скользящую» иронию [9: с. 16]. Эти разбросанные реплики отражают, на наш взгляд, общую картину, демонстрирующую ситуацию с ранними повестями: в этих произведениях, написанных Тургеневым в «старой манере», иронический оттенок в речи повествователя или персонажей не получает практически никакой авторской разработки.

В дальнейшем, с обретением Тургеневым начиная с 1853–1854 гг. «новой манеры» письма, ироническая тональность в оркестровке общего полифонического звучания, и прежде всего в его романах, оказалась продуктивной. Поэтому закономерно, что наиболее частые научно-критические наблюдения, в которых засвидетельствована тургеневская ирония, обращены к романам писателя середины 1850–1860-х гг., а также к отдельным повестям данного периода. Обобщенной оценкой этого положения является суждение А.В. Чичерина о многообразии в оттенках тургеневских утверждений и отрицаний: «от язвительной иронии при изображении Ласунской или Пигасова до грозного сарказма в образах генеральской компании Ратмирова» (с уточнением: до «Калломийцева и Сипягина» [13: с. 45] — героев романа «Новь», написанного в 1870-е гг.).

В хронологической последовательности прозаического творчества Тургенева первым в сфере рассматриваемого вопроса оказывается роман «Рудин» (1856). Ирония в произведении понимается и как открытая, и как завуалированная. Так, К.К. Истомин в начале 1920-х гг. актуализировал характеристику главного героя, данную ему повествователем (Рудин — «путешествующий принц»), видя в этом «намеренно-сделанный штрих» [4: с. 86–87]. На трагическую иронию, уже во взаимоотношениях Рудина и Натальи Ласунской, указал Ричард Фриборн, обратив внимание на органичное взаимодействие двух модусов в разработке писателем данной сюжетной линии: «The irony, and the tragedy, of the situation is underlined by Turgenev through the overlapping of the time-sequence of the novel at this point» [15: с. 112].

Создание повести «Фауст» (1856) относится к тому же периоду времени, что и роман «Рудин». Анализируя это произведение, К.К. Истомин обратил внимание на «раздражение» писателем «иронической жилки», что, по мнению исследователя, отражает векторное движение в творческих поисках Тургенева, в силу чего повесть «Фауст» «завершает собою тот путь, по которому Тургенев все время шел, постепенно уклоняясь от Гоголя и приближаясь к Пушкину» [5: с. 120–121]. К концу XX в., с усилением интереса к интертекстуальным началам литературы, наука стремится к обнаружению конкретики влияний и заимствований. Эта практика имеет место и в тургенеvedении. В частности, на рубеже XX–XXI вв. соотнесены особенности миропонимания тургеневского

героя в повести «Фауст» с той гранью в трагедии И.В. Гете, которая проявляется в его философской иронии.

На иронию в романе «Дворянское гнездо» (1859) в науке и критике XX в. неоднократно обращали внимание. В разные годы исследователи справедливо отмечали, что одной из главных мишеней в ироническом мировидении Тургенева в этом романе является петербургский карьерист Владимир Николаевич Паншин, бесконечно далекий от национальных интересов своей страны. В изображении Паншина, этого «поверхностного светского человека и чиновника, западника» [14: с. 67], высвечены узкоэгоистические намерения и поступки. В частности, поскольку в воссоздании российской действительности для Тургенева особенно важна музыкальная составляющая, в романе значима детализация, связанная с фортепианным и вокальным исполнением героями и персонажами ряда известных опусов. С этой целью Тургенев вводит в роман сцену исполнения Варварой Павловной Лаврецкой и Паншиным романса Дж. Россини «Mira la bianca luna», по поводу чего музыковед А.А. Гозенпуд оставил изящное и прозорливое суждение о том, что посредством такой выверенной диспозиции писатель «иронически предварял будущее своих героев» [2: с. 252]. Солидаризированное со сказанным положение представлено и в начале XXI в., когда исследователи различают гамму иронических оттенков и, вкрапляя примечания к суждениям, пишут об «усилении» романного текста разнообразными гранями иронии: от сокрушенно-драматической в изображении Федора Ивановича Лаврецкого до добросердечной в изображении его тетушки Марфы Тимофеевны Пестовой и университетского друга Михалеви́ча, от откровенно-смеховой в изображении Марьи Дмитриевны Калитиной до жестко-обличительной в изображении и крупно выписанных персонажей (Коробьина-Лаврецкая, Паншин), и второстепенных и эпизодических персонажей (Гедеоновский, горничная Жюстина и др.).

Третий роман писателя — «Накануне» (1860) — также содержит иронические начала, о чем осторожно заявлено в 1950–1960-е гг. Однако упоминания об этом модуле в данном произведении минимизированы. Неоспоримо констатируется лишь то, что в ироническом ключе повествование осуществляется в изображении старшего поколения — родителей Елены Стаховой, поскольку такой ракурс представления персонажей понимается как в целом традиционный для Тургенева подход к жизненному материалу при создании им подобного круга характеров.

Многоярусная и многослойная ирония обнаружена в романе «Отцы и дети» (1862). Общим местом стало справедливое указание на «открыто-ироническое» изображение Кукшиной и Ситникова [6: с. 40]. В разные годы П.Г. Пустовойт затрагивал вопрос о способах выражения Тургеневым критического отношения к все тем же представителям старшего поколения — от отдельно разработанного образа Павла Петровича Кирсанова до пунктирно обозначенного образа сановника Колязина. В частности, иронический взгляд автора на мир проявляется, по мнению П.Г. Пустовойта, в манере Кирсанова-старшего

«насыщать свою речь иностранными изречениями», равно как в речевом поведении Колязина продемонстрировано злоупотребление варваризмами [11: с. 28]. Авторская ирония, считал ученый, ярко заявляет о себе в «речевых манерах» всех персонажей, в том числе в насмешливой норме взаимоотношений Павла Петровича и Евгения Базарова, когда первый говорит по-французски, а второй отвечает ему на латыни [11: с. 41].

Наиболее существенные иронические начала в романе «Отцы и дети» произрастают из мировоззренческих особенностей творческого сознания автора, в результате чего тургеневская ирония обнаруживается не только в осмеянии старшего поколения, но и в принципах воссоздания трагических граней бытия. Еще в 1860-е гг. А.М. Скабичевский тонко заметил: «В этой борьбе Базарова с самим собою, в борьбе теории с природою — заключается вся, так сказать, ирония романа, которую г. Тургенев проводит до конца», вплоть до изображения героя «на смертном одре» [12: с. 138]. Спустя столетие Ричард Фриборн также справедливо отметил «ироническое пророчество» («*ironic prophesy*») писателя в отношении молодого поколения 1860-х гг. [15: с. 107].

Пятый роман писателя — «Дым» (1867) — долгое время считался неудачей Тургенева, причиной чего объявлялось отступление автора как от классических традиций, так и от чувства меры в собственной творческой практике. В частности, в 1930-е гг. в критике господствовала мысль о том, что образная система в романе «Дым» подана исключительно в сатирических красках. Однако спустя полвека, с изменением методологических принципов анализа художественного целого, наметилось гораздо более адекватное прочтение произведения. В частности, уже в 1970-е гг. в модусной окрашенности изображаемого в романе «Дым» Ю.В. Манн отметил такую ее особенность, как «двойственное освещение» русской жизни на баден-баденской земле: «то сочувственное, то ироническое» [9: с. 86, 88]. С началом XXI в. уже не оспаривается мнение о том, что, представляя происходящее на немецком курорте глазами прежде всего Григория Михайловича Литвинова, рядового русского дворянина-личности, и разделяющего его взгляды повествователя, Тургенев, как всегда в своих романах, решает «русский вопрос», и делает это с позиций многоуровневых возможностей иронии. Ирония становится и принципом сатирического осмеяния — в представлении как генералитета, саботирующего реформы, проводимые Александром II, так и пестрых групп революционно настроенных говорунов, и инструментом разновекторного воссоздания драматизма в судьбах Литвинова и Ирины Осининой-Ратмировой, и способом выражения мягкого комизма в освещении фигуры Капитолины Марковны Шестовой, и т. д. [8].

В заключение следует уточнить, что ирония как модус выступает в качестве одного из решающих факторов, которые роднят стилевую манеру русских писателей XIX в. Ирония и ее векторы, окраска, многоярусность, психологические формы наполнения магистральных устремлений и лакун близки Пушкину, Гончарову, Чехову. Ирония как речевая фигура также является широко востребованным приемом этих писателей.

Таким образом, иронический взгляд на мир и человека в нем характерен для творчества Тургенева в целом, хотя и проявился главным образом в прозе середины 1850–1860-х гг. На протяжении всего развития тургеневедения историки русской литературы настаивают на иронических началах в спектре идейно-эмоциональных тональностей в прозе писателя. Исследователи отмечают разноплановые характеристики иронии, поскольку ее полифункциональная специфика позволяет выявить противоречия, природа которых может быть и комической, и драматической, и трагической; причем во всех этих проявлениях ирония может быть многоаспектной. Однако до сих пор эти упоминания не получили последовательной разработки, тогда как проблема иронии в творчестве Тургенева требует — что очевидно — системного анализа.

Библиографический список

Литература

1. *Брандес Г.* Тургенев // О Тургеневе: Русская и иностранная критика / сост. П.П. Перцов. М.: Кооперативное изд-во, 1918. С. 199–215.
2. *Гозенпуд А.А.* «Дворянское гнездо» // Тургеневский сборник 1 / гл. ред. М.П. Алексеев. М.; Л.: Наука, 1964. С. 249–252.
3. *Джеймс Г.* Статьи // Джеймс Г. Женский портрет. М.: Наука, 1981. С. 493–530.
4. *Истомин К.К.* Роман «Рудин». Из истории тургеневского стиля // Творческий путь Тургенева: сб. ст. / под ред. Н.Л. Бродского. Пг.: Сеятель, 1923. С. 64–102.
5. *Истомин К.К.* «Старая манера» И.С. Тургенева (1834–1855). Опыт психологии творчества. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1913. 128 с.
6. *Каган-Канс Э.* «Отцы и дети»: текст, рассказчик, читатель // Slavica. V. XXIII. Debrecen: Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae, 1986. С. 37–52.
7. *Лосев А.Ф.* Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение / сост. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1995. С. 5–296.
8. *Лоскутникова М.Б.* Особенности великого стиля И.С. Тургенева (на материале романа «Дым» // Тургеневские чтения: сб. ст. / сост., науч. ред. Е.Г. Петраш. Вып. 4. М.: Рус. путь, 2009. С. 27–47.
9. *Манн Ю.В.* Тургенев и другие. М.: РГГУ, 2008. 630 с.
10. *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Тургенев // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собр. соч.: в 9 т. СПб.: Общественная польза; Прометей, 1909. Т. 2. Тургенев. С. 5–255.
11. *Пустовойт П.Г.* И.С. Тургенев — художник слова. М.: Изд-во МГУ, 1987. 303 с.
12. *Скабичевский А.* [Отечественные записки. 1868. № 9] // Критические разборы романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» / собрал В. Зелинский. 2-е изд. М.: Типо-литография И.И. Пашкова, 1907. С. 135–150.
13. *Чичерин А.В.* Тургенев, его стиль // Чичерин А.В. Ритм образа: стилистические проблемы. 2-е изд., расшир. М.: Сов. писатель, 1980. С. 26–51.
14. *Эйгес И.* Значение Пушкина для творчества Тургенева // Лит. учеба. 1940. № 12. С. 56–76.
15. *Freeborn R.* Four great novels // Freeborn R. Turgenev: The Novelists's Novelist. A Study. Oxford: Oxford University Press, 1960. P. 57–133.

References

Literatura

1. *Brandes G.* Turgenev // О Тургеневе: Russkaya i inostrannaya kritika / sost. P.P. Perczov. M.: Kooperativnoe izd-vo, 1918. S. 199–215.
2. *Gozenpud A.A.* «Dvoryanskoe gnezdo» // Turgenevskij sbornik 1 / gl. red. M.P. Alekseev. M.; L.: Nauka, 1964. S. 249–252.
3. *Dzhejms G.* Stat'i // Dzhejms G. Zhenskij portret. M.: Nauka, 1981. S. 493–530.
4. *Istomin K.K.* Roman «Rudin». Iz istorii turgenevskogo stilya // Tvorcheskij put' Turgeneva: sb. st. / pod red. N.L. Brodskogo. Pg.: Seyatel', 1923. S. 64–102.
5. *Istomin K.K.* «Staraya manera» I.S. Turgeneva (1834–1855). Opy't psixologii tvorcestva. SPb.: Tip. Imp. akademii nauk, 1913. 128 s.
6. *Kagan-Kans E'.* «Otczy' i deti»: tekst, rasskazchik, chitatel' // Slaviczka. V. XXIII. Debrecen: Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae, 1986. S. 37–52.
7. *Losev A.F.* Dialektika xudozhestvennoj formy' // Losev A.F. Forma. Stil'. Vy'razhenie / sost. A.A. Taxo-Godi. M.: My'sl', 1995. S. 5–296.
8. *Loskutnikova M.B.* Osobennosti velikogo stilya I.S. Turgeneva (na materiale romana «Dy'm») // Turgenevskie chteniya: sb. st. / sost., nauch. red. E.G. Petrash. Vy'p. 4. M.: Rus. put', 2009. S. 27–47.
9. *Mann Yu.V.* Turgenev i drugie. M.: RGGU, 2008. 630 s.
10. *Ovsyaniko-Kulikovskij D.N.* Turgenev // Ovsyaniko-Kulikovskij D.N. Sobr. soch.: v 9 t. SPb.: Obshestvennaya pol'za; Prometej, 1909. T. 2. Turgenev. S. 5–255.
11. *Pustovojt P.G.* I.S. Turgenev — xudozhnik slova. M.: Izd-vo MGU, 1987. 303 s.
12. *Skabichevskij A.* [Otechestvenny'e zapiski. 1868. № 9] // Kriticheskie razbory' romana I.S. Turgeneva «Otczy' i deti» / sobral V. Zelinskij. 2-e izd. M.: Tipo-litografiya I.I. Pashkova, 1907. S. 135–150.
13. *Chicherin A.V.* Turgenev, ego stil' // Chicherin A.V. Ritm obraza: stilisticheskie problemy'. 2-e izd., rasshir. M.: Sov. pisatel', 1980. S. 26–51.
14. *E'jges I.* Znachenie Pushkina dlya tvorcestva Turgeneva // Lit. ucheba. 1940. № 12. S. 56–76.
15. *Freeborn R.* Four great novels // Freeborn R. Turgenev: The Novelists's Novelist. A Study. Oxford: Oxford University Press, 1960. P. 57–133.

M.B. Loskutnikova**Irony in I.S. Turgenev's Prose: Opinions and Estimation**

The article is devoted to the problem of irony in I.S. Turgenev's prose. This modus was repeatedly mentioned in history of literature. However, no specialized written work has been devoted to this issue over the whole one and a half of century. The article presents a systematization of positions in definition and evaluation of the modus — from general conceptual guidelines to specified detection of irony in the writer's novels and stories of the mid 1850s–1860s.

Keywords: I.S. Turgenev; prose; modus; irony.